

³ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убитые. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955). М., 1999; Гаврилин А.В. Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // Церковь и время. 2010. № 52(3). С. 193—218; Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.; Тихвин, 2009; Гаврилин А.В. Латвийские

священнослужители на Американском континенте. М., 2013.

⁴ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 гг. СПб., 2020. С. 353.

⁵ Петров И.В. Православная Балтия 1939—1953 годов. Период войн, репрессий и международных противоречий. СПб., 2016. С. 339.

⁶ LNA, f. 1986, apr. 1, 1.40001, l. 84.

Никита Гусев

Рец. на: М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Nikita Gusev

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: М.А. Birman. P.M. Bicilli (1879—1953). Zhizn' i tvorchestvo. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016606-7

Тема Русского зарубежья, долгие годы табуированная в отечественной исторической науке, активно изучается последние три десятилетия. Однако на периферии исследовательского интереса остаётся судьба русских подданных на Балканах и, в частности, в Болгарии¹. Среди наиболее заметных эмигрантов, перебравшихся в Софию, — историк, филолог и литературовед П.М. Бицилли, крайне редко упоминавшийся в научной литературе. Восполнить этот пробел попытался в своей книге М.А. Бирман.

Пётр Михайлович Бицилли (1879—1953) родился в Одессе в семье высокопоставленного банковского служащего. Детство он провёл безбедно, но страдал из-за проблем со здоровьем и выпустился из гимназии позже своих ровесников. В студенческие годы он увлёкся революционными идеями, из-за чего дважды отчислялся с историко-филологического факультета Новороссийского университета и окончил его только в 27 лет, приступив на кафедре всеобщей истории к «подготовке к званию профессора» (с. 31). Бицилли «определил фактиче-

ски самостоятельно свой путь исследователя, то есть формировался как учёный, не имевший постоянных и систематических наставников» (с. 35). Первая статья Петра Михайловича вышла только в 1912 г., но в его ранних трудах был виден профессиональный историк с «литературным дарованием» (с. 43).

Преподавание в гимназии и на Одесских высших женских курсах требовало времени и значительно тормозило научные изыскания Бицилли. В 1910 г. ему пришлось срочно заменять заболевших тифом коллег и отказать от зарубежной командировки. По словам современника, Пётр Михайлович «подготовлял и писал своё исследование в вакационное время, урывками» (с. 44). В результате магистерскую диссертацию он защитил только в мае 1917 г. (с. 48). В разгар Гражданской войны в Одессе вышла его работа «Элементы средневековой культуры», где анализировались ментальность средневекового человека, его восприятие мира. Книга осталась незамеченной научной общественностью и была переиздана

уже в постсоветские годы (с. 59—60). Революцию Бицилли не принял, его «юношеский “роман”» с идеями преобразования общества быстро закончился (с. 51). «Вскинувшийся мелким бесом демон революции» (по его же выражению) вынуждал одесскую интеллигенцию эмигрировать, и Пётр Михайлович не стал исключением. В 1918 г. он отказался от профессорской должности в Саратове, а в январе 1920 г. вместе с женой и трёхлетней дочерью покинул Россию (с. 63).

Судьба привела Бицилли в научное захолустье — университет в Скопье, только что созданный сербскими властями. Лишённый доступа к литературе по специальности, Пётр Михайлович значительно расширил сферу своих научных интересов и увлёкся историософией, литературоведением, русской поэзией. Тогда же завязалось его общение по переписке с основателями евразийства — Г.В. Флоровским, Н.С. Трубецким, П.П. Сувчинским и др. В 1923 г. Бицилли пригласили на должность заведующего кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Софийского университета, и в 1924 г. он переехал в Болгарию. Лекции он читал на болгарском языке (с. 101) и, несмотря на «убийственный акцент», пользовался у студентов большой популярностью². От большинства своих русских коллег он отличался стремлением быть более понятным слушателям³.

До 1932 г. положение Петра Михайловича оставалось достаточно прочным. Но затем, в условиях экономического кризиса, руководство Болгарии пошло на сокращение штатов преподавателей, что едва не привело к уходу Бицилли из университета. Лишь благодаря академику В. Златарскому он сохранил должность. Даже в этот период Пётр Михайлович выпускал научные труды, продолжал работу со студентами. Сре-

ди слушателей его курсов были будущие именитые болгарские учёные Х. Гандев и И. Дуйчев, которые всегда (даже когда все старательно «забывали» многолетнего заведующего кафедрой) «не стеснялись заявлять о том, что они — ученики Бицилли, и гордились своим учителем» (с. 176). Перерыв в преподавательской деятельности наступил в связи с эвакуацией университета и бомбардировками Софии англо-американскими войсками в 1943—1944 гг.

Радикальные перемены в жизни учёного произошли после установления в Болгарии власти Отечественного фронта, контролируемого коммунистами. В 1946 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении эмигрантам в Болгарии прав на советское гражданство. По предположению Бирмана, Бицилли, идеализируя ситуацию в Советском Союзе, планировал вместе с семьёй вернуться на родину. После войны он трижды подавал документы на советское гражданство, но каждый раз следовал немотивированный отказ (с. 249—253). В 1948 г. он достиг возраста, в котором должен был покинуть кафедру, причём без пенсии, поскольку оставался иностранцем. Ранее по ходатайству университета в подобных случаях преподавателям продлевали контракт, но навстречу Бицилли руководство университета не пошло. По мнению автора, причиной тому являлось отношение новых властей Болгарии к русским эмигрантам (с. 261—263).

В послевоенные годы Пётр Михайлович столкнулся с «почти неразрешимой проблемой пробивания рукописей в печать» (с. 271). Отодвинутый от науки и покинутый многими, он писал И.А. Бунину в 1951 г.: «Полное одиночество, тоска, скука, утомительное безделье и предвкушение приближающегося перехода в Ничто»

(с. 274). Показательно, что Софийский университет никак не отреагировал на его смерть в 1953 г. (с. 276).

Научное наследие Бицилли Бирман разделит на 13 блоков: «Труды по античности и средневековью», «Сочинения по всеобщей истории», «Труды по теории исторической науки, историософии, историографии и преподаванию истории», «Сочинения о классиках русской литературы», «Публикации по “философии нации” и нациогенезису», «Сочинения по истории России, российской государственности и культуры (проблемы россиеведения)», «Труды о теории и истории мировой и русской литературы», «Сочинения по теории и истории русского литературного языка и по фольклору», «Публикации по социологии, психологии, искусствоведению, религиоведению, философии», «Труды о А.С. Пушкине и на темы пушкинистики», «Сочинения о современной европейской и русской культуре и на культурологические темы», «Публикации о творчестве современных русских писателей» (с. 291—292). Всего, по подсчётам Бирмана, Бицилли опубликовал 381 работу (с. 279).

Автор проделал большую работу, привлёк большое количество источников. Исследование опирается на архивы России, Болгарии, Македонии и США, воспоминания и документы из личных архивов родных и близких Петра Михайловича. В конце книги представлены список изданий, где выходили публикации Бицилли, хроника его жизни и творчества, списки псевдонимов и криптонимов, перечень спецкурсов, прочитанных в Софийском университете в 1924—1948 гг. Наиболее ценные приложения — «Труды и письма П.М. Бицилли», опубликованные за 1912—2015 гг., и список литературы за 1912—2016 гг., посвящённой жизни и деятельности Петра Михайловича. Несмотря на ве-

сомый вклад Бирмана, большое количество документов о Бицилли до сих пор не введены в научный оборот, к примеру — письма и рукописи его работ, хранящиеся в ИРЛИ РАН (с. 293). Детали жизни Бицилли, возможно, содержатся в неопубликованных мемуарах его зятя — профессора А.П. Мещерского⁴.

Бирман опровергает устоявшиеся ошибки и неточности в биографиях Бицилли. Яркий пример — статья в «Большой российской энциклопедии», в которой неверно указан год окончания гимназии и утверждается, что в 1920 г. Пётр Михайлович переехал в Сербию, а не в Македонию. В той же статье сообщается, что в 1944 г. Бицилли якобы принял советское гражданство, но это «не избавило его от грубых идеологичес[еских] проработок», и в 1948 г. он был «изгнан» из университета⁵. В рецензируемой книге рассказано о всех трёх случаях отказа в гражданстве и опубликована копия прошения Петра Михайловича с просьбой пересмотреть эти решения (с. 252).

Таким образом, работа М.А. Бирмана будет интересна не только специалистам, изучающим русскую эмиграцию и отечественную историческую науку, но и широкому кругу читателей. Об этом свидетельствуют и две рецензии на монографию⁶. О жизни Бицилли автор повествует в контексте событий в межвоенной Европе. Это не только биография учёного, но и срез жизни русской интеллигенции, волею судеб оказавшейся после революции 1917 г. на Балканах.

Примечания

¹ См., например, хотя и не полный, но солидный справочник: Руска емиграция в България. 1878—2006. Библиографски указател / Съст. Е. Денева, С. Рожков. София, 2006.

² *Косик В.И.* Софии русский уголок. М., 2008. С. 73.

³ Ратиев А. То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 507.

⁴ Косик В.И. Софии русский уголок. С. 61.

⁵ Коростелёв О.А., Черкасов П.П. Бицилли // Большая российская энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 567—568.

⁶ Васильева М.А. Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019; Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах. 2020. Вып. 1—2.

Ольга Елина

Рец. на: Р.А. Фандо. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох. М.: Акварель, 2018. 252 с.

Olga Elina

(S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: R.A. Fando. Universitet im. A.L. Shanyavskogo na fone smeny epokh. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016607-8

Народный университет им. А.Л. Шанявского — яркое явление в отечественной культуре. Он подобрал в себя лучшие организационные модели образования, известные в мировой практике начала XX в. Это успешный пример проявления просвещённого российского меценатства в образовательной сфере. На фоне активного развития негосударственной высшей школы в сегодняшней России назрело осмысление исторического пути, пройденного первым частным университетом. Обобщить этот уникальный опыт призвана монография Р.А. Фандо. Автор обнаруживает знакомство с историографией и детально останавливается на достигнутых ею результатах. Введён в научный оборот внушительный массив архивных документов, хранящихся в Отделе рукописей РГБ, ЦГА Москвы, РГАЭ, АРАН.

Структура работы видится логичной и интересной. Фандо использует не только традиционный хронологический подход, но и проблемный принцип, что представляется рациональным. Книга написана лёгким, образным языком, что побуждает к

заинтересованному прочтению. В монографии представлено более 150 иллюстраций, многие из которых публикуются впервые. Это фотопортреты и групповые снимки, проекты и интерьеры здания на Миусской площади, сцены лекционных и лабораторных занятий, карикатуры на профессоров, афиши студенческих спектаклей. Если отвлечься от текста и разглядывать одни только изображения, можно составить достаточно полное представление об истории университета. Добавим к этому высокий уровень полиграфического исполнения книги.

В первой главе автор возвращает читателя на век назад, когда были основаны первые общественные и частные учебные институты — Московская практическая академия коммерческих наук (1810), Лазаревский институт восточных языков (1827). В 1906 г. было создано Общество народных университетов, декларировавшее их преимущественно просветительский характер. В качестве примера рассматривается деятельность Томского городского народного университета (основан в 1916 г. известным